

перманентного сновидения. Сон души, затмевающий в человеке образ Божий, и провоцирует ложные прозрения относительного искомого "места", мнимость которого обнажает и неопределенность оказавшегося в этом "месте" человека: он не знает, "кто" он и где он. Архетипическим прообразом такого состояния оказывается у Гоголя грехопадение ("...где ты?").

А. В. Кубасов
Екатеринбург

ПРОБЛЕМА РЕЧЕВОЙ УСЛОВНОСТИ ПРОЗЫ А. П. ЧЕХОВА

Современными отечественными литературоведами проблема условности в творчестве Чехова признается изученной недостаточно. Одной из причин этого можно признать неразличение интерпретации текста слова прямого и переломного. Трудность состоит в том, что преломляющая среда у Чехова не всегда ощутима. Она нуждается в выявлении. Одной из ведущих форм создания условности у Чехова является использование формы, которую мы называем каноном.

Особенности обращенного канона лучше уясняются через сравнение его с прямым каноном. Образцом последнего может послужить известное начало "Анны Карениной" Толстого: Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему". Каждое слово здесь серьезно и внутренне убедительно. Автор претендует на обладание истиной, в которой он желает убедить и читателя, сделав его своим сторонником.

Чехов работает канонами, лишенными внутренней убедительности, столь свойственной прямым канонам. Писатель придает подчас случайной детали, событию, признаку характер сущностного, закономерного, атрибутивного. Разберем один из типично чеховских обращенных канонов.

В рассказе "Роман с контрабасом" читаем: "Все играющие на контрабасах и тромбонах обыкновенно ненаходчивы; Смычков же был приятным исключением". Почему именно контрабасисты и тромбонисты ненаходчивы, а не флейтисты или скрипачи, например? И почему все играющие на контрабасах и тромбонах ненаходчивы? На эти вопросы нельзя дать ответа, мотивированного объективными причинами. Вывод автора внутренне неубедителен, да он и не претендует на это. Связь инструментов и личностного качества людей не преднайдена автором в действительности, а сочинена им, придумана. Поэтому и герои, и события, происходящие с ними, приобретают

характер условных. В итоге создается дистанция между автором и героями, между читателем и художественным миром произведения, в который ему нельзя "войти" так, как можно "войти" в произведения, написанные прямым словом, нейроническим, неоговорочным.

Примеры обращенных канонов у Чехова многочисленны и могут быть найдены не только в ранних произведениях, но и поздних.

Возникает вопрос о причинах представления жизни в форме обращенных канонов. Чехов прекрасно видел в окружающей жизни торжество официальной, узаконенной условности, которая проникла во все сферы общественной жизни. Этой условности Чехов противопоставлял другую: творческую, намеренную, акцентированно абсурдную. С помощью новой условности писатель показывает омертвление, формализацию старого представления о мире. Все шаблонизировалось, "олитературилось" и устарело. Говорить о давно известном можно и нужно не на прямом языке, а на оговорочном, на "чужих" для автора языках. Этим искусством Чехов владел блестяще. Одной из форм "остранения" жизни, дистанционирования от ее серости и пошлости и был обращенный канон.

Н. А. Кузнецова
Магнитогорск

Г. ИВАНОВ И Б. ПОПЛАВСКИЙ К ПРОБЛЕМЕ "ПАРИЖСКОЙ НОТЫ"

Историю "парижской ноты" (имеется в виду не столько "литературная школа", сколько определенный тип мироощущения первой волны русской эмиграции) невозможно представить себе без имен Г. Иванова и Б. Поплавского. Для обоих поэтов творчество было "последней пристанью" (Г. Адамович); сближала и "сладостность", изумительная "внешняя" музыкальность стиха

Время "встречи (точнее взаимопроникновения) поэтических миров Г.Иванова и Б. Поплавского может быть определено довольно точно: конец 20-х - начало 30-х годов. Появляются общие (речь идет почти о буквальном совпадении) темы, мотивы, образы. Более того, в ряде стихотворений Б. Поплавского происходит своеобразная "концентрация" "ивановских" образов ("Роза смерти").

У обоих поэтов образы оказываются "брошенными в пространство" (выражение Е. Алековой): несутся в бесконечности снег, ангелы, звезды, розы. Поэтические миры Г. Иванова и Б. Поплавского в 30-е годы сближает "надмирность", космическая "реальность"